

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.002

УДК 94(571.17)"19":338.21

ББК 63.3(2Рос-4Кем)6-2

Н.М. МОРОЗОВ

**ПРОБЛЕМА ПЛАНИРОВАНИЯ
УГЛЕДОБЫЧИ В КУЗБАССЕ
В ГОДЫ I ПЯТИЛЕТКИ¹**

N.M. MOROZOV

**THE PROBLEM OF COAL MINING
PLANNING IN KUZBASS IN THE YEARS
OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN**

В статье рассматривается проблема планирования добычи угля в Кузбассе в период первой пятилетки (1928–1932). В отечественной историографии широко освещены основные тенденции становления Второй угольно-металлургической базы на востоке страны в 1928–1937 гг., включая строительство шахт, их механизацию, формирование шахтёрских кадров и повышение их квалификации. Вместе с тем, в работах историков отсутствует анализ трудностей, с которыми столкнулось руководство отрасли и хозяйственники на местах в ходе пятилетней кампании по планированию угледобычи. Ставится цель изучить указанную проблему с помощью анализа архивных документов. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу о том, что в течение пятилетки планирование угледобычи в Кузбассе представляло собой непрерывный и напряжённый процесс, результатом которого был свод периодически меняющихся в сторону значительного повышения контрольных цифр. Вместе с тем, среди специалистов ещё наблюдалась инерция в деле перехода к плановому хозяйствованию, обусловленная проявлениями в производственных отношениях элементов охлократии и её последствий, влияния партийно-профсоюзного актива на управленческие решения.

The article considers the problem of planning coal mining in Kuzbass during the first five-year plan (1928–1932). The main trends in the formation of the Second Coal and Metallurgical Base in the east of the country in 1928–1937, including the construction of mines, their mechanization, the formation of mining personnel and the development of their qualifications, are widely covered in domestic history. However, the work of historians lacked an analysis of the difficulties faced by industry management and local managers during the five-year coal planning campaign. The aim is to investigate the problem by analyzing archived documents. As a result of the study, the author comes to conclusion that during the five-year period the planning of coal mining in Kuzbass was a continuous and tense process, the result of which was a set of periodically changing in the direction of significant increase in control figures. At the same time, there was still inertia among specialists in the transition to planned management, due to the manifestations in production relations of elements of ochlocracy and its consequences, the influence of a trade union front line on managerial decisions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кузнецкий округ, Кузбасс, шахта, добыча угля, планирование.

KEY WORDS: Kuznetsk district, Kuzbass, mining, coal mining, planning.

ВВЕДЕНИЕ. Проблема планирования заслуживает пристального внимания в связи с наличием в современном обществе запроса на качество управления во всех сферах его

¹ Статья написана в рамках реализации научного проекта «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII - XX вв.» (AAAA-A21-121011590011-2).

жизнедеятельности. После господства в России 1990-х годов слабоуправляемой рыночной стихии, на всех уровнях властных и хозяйственных структур ощутимыми темпами идёт возврат к составлению прогнозов экономической и иной деятельности, определению среднесрочных и долгосрочных перспектив и стратегий развития. Изучение исторического опыта планирования добычи, переработки угля и других полезных ископаемых важно для понимания и оценки практики эксплуатации природных богатств страны, использования апробированных временем методов повышения эффективности руководства фундаментальными отраслями её экономики. Он актуален в настоящее время, насыщенное реализацией различных подходов внедрения современных технологий в угледобычу, создания для работников шахт и разрезов безопасных условий труда.

ЦЕЛЬ. Рассмотреть трудности, которые возникали в процессе планирования добычи угля в Кузбассе в период первой пятилетки (1928–1932).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведённого исследования использован функциональный анализ документов, хранящихся в Государственном архиве Кузбасса, в которых отражены различные аспекты планирования угледобычи в регионе в рассматриваемый период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Вопросы планирования угольной отрасли Кузбасса в годы первой пятилетки нашли отражение в работах отечественных исследователей. В обобщающих трудах, написанных коллективами авторов и отдельными исследователями, были раскрыты особенности её развития, показана финансовая и организационная поддержка отрасли со стороны государства, проанализированы источники пополнения и пути повышения квалификации шахтёрских кадров [6, 7, 8, 15].

В историографическом обзоре, посвящённом анализу работ А.В. Волченко, З.Г. Карпенко, Е.Д. Козочкиной, Д.М. Родионова, В.М. Савостенко, Г.Г. Халиулина и Н.П. Шуранова, касающихся отдельных сторон функционирования угольной промышленности Кузбасса в годы индустриализации, М.Г. Леухова отметила недостаточное внимание авторов к проблеме планирования и механизму централизованно-директивного влияния на развитие бассейна [12, с. 18–22]. Поставив перед собой задачу изучить этот аспект истории, она сосредоточилась на раскрытии основных тенденциях становления Второй угольно-металлургической базы на востоке страны в 1928–1937 гг. Ею показана роль центральных органов в определении валовых показателей угледобычи.

Вместе с тем, в работах историков отсутствует анализ трудностей, с которыми столкнулось руководство отрасли и хозяйственники на местах в ходе пятилетней кампании по планированию угледобычи. В данной статье предполагается восполнить этот пробел.

В годы первой пятилетки планирование угледобычи в Кузбассе представляло собой непрерывный и напряжённый процесс, обусловленный возрастающей ролью региона в народном хозяйстве СССР. На состояние его эффективности существенное влияние оказывали неоднократные изменения в структуре управления отраслью, уровень компетентности специалистов и имевшихся у них возможностей мобилизации шахтёрских коллективов на выполнение промфинплана.

В сентябре 1927 г. на базе предприятий Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс» был создан трест — Государственное объединение каменноугольной, металлургической и химической промышленности «Кузбассуголь» (г. Новосибирск). Внутри новой структуры сразу обнаружились существенные недостатки, характерные для периода становления плановой советской экономики, связанные с отсутствием на практике строгого разграничения функций между различными управленческими звеньями в системе трест-комбинат-рудоуправление-шахта-цех/отдел. В результате, размывалась ответственность должностных лиц, в условиях неопределённости переключающихся на более безопасное (в бюрократической системе координат) формальное выполнение своих обязанностей.

Производственные программы ещё слабо увязывались с финансовыми сметами. Часто допускались ошибки в планировании материальных запасов, которые приводили к их дефициту или хранению мёртвым грузом на складах, и в конечном итоге, удорожанию готовой продукции, рассогласованию сроков ведения капитальных работ на предприятиях-смежниках и т.д.

В целях преодоления управленческой неразберихи бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б) в апреле 1928 г. обязало руководителя Кемеровского угольного комбината И.Н. Котина в месячный срок разработать и довести до представителей горного надзора всех шахт права и обязанности комбината во взаимоотношениях с ними по всем вопросам производственной деятельности. Аналогичное разграничение функций следовало провести между администрацией предприятий и руководством его низовых звеньев [2, л. 95–96].

Существование двух трестов — «Кузбассугля» и «Кузбасстреста» (последний объединял шахты Анжеро-Судженска и Ленинска, прежде не входившие в АИК) в регионе затрудняло планирование и управление отраслью в целом. Постановлением ВСНХ СССР от 29 июля 1928 г. оба треста были объединены в Государственный трест каменноугольной промышленности Сибири («Сибуголь»), который начал функционировать с 1 октября того же года [15, с. 123].

Несмотря на реорганизацию системы управления, на шахтах острота возникшей в прежние годы проблемы восстановления единоначалия и на его основе — укрепления плановой, производственной и трудовой дисциплины, не снижалась. Её искажённые проявления рабочие видели в боязни руководителей брать на себя ответственность за те или иные решения без санкции парткома и профсоюзной организации, в зажиме критики, и, наоборот, в стремлении (особенно выдвиженцев из рабочей среды) при любых обстоятельствах не портить отношения с товарищами, в неисполнении распоряжений. Ещё часто шахтёры выражали недоверие к специалистам как классово чуждым элементам, культивируя тем самым спешество. Недовольство людей вызывали случаи выдвижения на ответственные посты лиц по протекции или за оказание мелких услуг [11].

В стране проблема низкой исполнительской дисциплины оказалась настолько животрепещущей, что ЦК ВКП(б) был вынужден принять Постановление от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установления единоначалия». «В организации управления производством, — отмечалось в документе, — необходимо исходить из того, что администрация (директор) непосредственно отвечает за выполнение промфинплана и всех производственных заданий» [9, с. 558].

В ноябре этот документ обсуждался на собраниях во всех шахтёрских коллективах Кузбасса. Некоторые члены ВКП(б) были настроены критично и предупреждали о неизбежном ослаблении контроля действий начальников. Высказывались опасения по поводу развития кумовства, сватовства при приёме на работу. Для реализации установок, изложенных в Постановлении, в рудоуправлениях и на шахтах были введены должности помощника директора. Новоиспечённым назначенцам следовало начинать работу над устранением различного рода недочётов по планированию и использованию различного рода ресурсов [4, л. 12, 16]. Однако, в условиях дефицита квалифицированных управленцев и действенного внешнего контроля, администрация всех уровней ещё не была готова к решительному преодолению инерции следовать формально-бюрократическим привычкам, снижая тем самым эффект перехода к плановому хозяйствованию.

Угольные бассейны, расположенные восточнее Волги, согласно Постановлению СТО СССР от 28 июля 1930 г., были переподчинены Государственному союзному объединению каменноугольной промышленности Восточной Сибири — «Востокуголь» (г. Новосибирск). В период с марта 1931 г. по декабрь 1932 г. все предприятия «Сибугля» перешли в состав «Востокугля». Таким образом, была обновлена многозвенная система управления и планирования отраслью: Народный комиссариат тяжёлой промышленности (Наркомтяжпром)

→ «Главуголь» (Москва) → «Востокуголь» → рудуправление → шахта. На каждой шахте существовало до 20–25 отделов, подотделов, секторов, имевших своих представителей в забоях, нередко вносивших путаницу в организацию горных работ. При этом, мобилизационные возможности, а также функции контроля и корректировки управленческой инициативы сохраняли партийная и профсоюзная организации. В этих условиях заведующий шахтой, главный инженер, начальники участков, десятники и бригадиры ещё не стали центральными фигурами, организующими трудовые коллективы на выполнение промфинплана.

Таким образом, в течение пятилетки структура управления угледобычей и связанная с ней система планирования стремились к оптимальному для своего времени состоянию. Вместе с тем, среди специалистов ещё наблюдалась инерция в деле перехода к плановому хозяйствованию, обусловленная проявлениями в производственных отношениях элементов охлократии (формы управления, основанной на меняющихся прихотях толпы, постоянно попадающей под влияние демагогов), влияния партийно-профсоюзного актива на управленческие решения.

План первой пятилетки и контрольные цифры по Урало-Кузнецкому проекту, как известно, в кабинетах Госплана и угольных трестов просчитывались в течение всего 1928 года, когда она фактически уже началась, и затем неоднократно корректировались. На заседании бюро Кузнецкого окружного комитета ВКП(б), проходившем 21 февраля 1928 г., вопрос о разработке пятилетнего плана отдельно Кузнецкого округа, включая развитие культурно-просветительной сети, здравоохранения, коммунального и жилищного строительства, был поставлен впервые и лишь четырнадцатым пунктом из пятнадцати в повестке [1, л. 104].

В течение следующих двух месяцев плановая комиссия Кузнецкого окрисполкома, недоукомплектованная специалистами, пыталась определить на предстоящие пять лет перечень перспективных мероприятий. На заседании бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), прошедшем 24 апреля, заместитель председателя окрисполкома Елизаренко Ф.Н. подвёл неутешительные первые итоги её деятельности. Не обладая полной информацией о программах Госплана по развитию в регионе предприятий горной, химической промышленности и других отраслей союзного значения, работа по определению перспектив остальной части хозяйства округа, включая местную топливную промышленность, оказалась малосодержательной [2, л. 87]. Некоторые окружные учреждения, не располагавшие полноценными статистическими сведениями по своему ведомству за прошлые годы, недостаточно уяснив значение плановости в хозяйстве, «с большой неохотой и невнимательностью» отнеслись к составлению своих производственных программ. Бюро утвердило предварительные показатели пятилетки по сельскому и лесному хозяйствам, здравоохранению, дорожным работам, окончательно подготовленные к декабрю 1928 г., с пожеланиями об отнесении строительства школ и больниц в районах возведения новых промышленных предприятий за счёт этих новостроек.

В стране первый вариант контрольных цифр развития народного хозяйства был готов лишь к началу 1929 г. Фактически, планировалась уже четырёхлетка. В первоначальном варианте прирост добычи твёрдого топлива в СССР предусматривался почти в 2 раза: по отправному варианту на 175–192%, по оптимальному — на 193,7–211,8% [13, с. 33–34]. Уровень добычи в Кузбассе Госпланом был определён в объёме 5,2 млн тн, и по оптимальному варианту — 6 млн тн. Темпы роста (200–230%) оказались выше общесоюзных (175–211%) [12, с. 44–45].

Как известно, в течение 1929 года крайне обострились отношения СССР с капиталистическими странами, а в октябре начались боевые действия на Китайско-Восточной железной дороге. В сложившейся обстановке Политбюро ЦК ВКП(б) 15 июля 1929 г. приняло Постановление «О состоянии обороны СССР», на основании которого начался пересмотр пятилетних планов по всем важным отраслям с целью увеличения объёмов продукции тяжёлой промышленности. Высшее партийное руководство перестали устраивать прежние контрольные показатели по добыче угля.

В декабре 1929 г. на съезде ударников, проходившем в Москве, был выдвинут лозунг «Пятилетку в четыре года!». Обосновывая этот призыв, И.В. Сталин заявил: «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это. Либо нас сомнут» [14, с. 38]. Это означало, что советскому народу предстояло совершить гигантский экономический рывок. По настоянию вождя партии уже в конце 1929 года объём угледобычи в Кузбассе на конец пятилетки был определён на уровне 8,2 млн тн, а в 1930 году этот показатель был доведён уже до 10,5 млн тн [15, с. 53–54].

Службы планирования объединений «Главуголь» (г. Москва), «Востокуголь» (г. Новосибирск) и местных комбинатов работали в напряжённом режиме, едва успевая просчитывать новые варианты лимитов необходимых ресурсов, которых не хватало для достижения прежде установленных контрольных цифр. Сложившаяся лихорадочная обстановка порождала перебои с финансированием и материально-техническим снабжением, частую смену титульных списков объектов строительства и нередкие просчёты в определении мест закладки новых шахт с неизбежными финансовыми и другими потерями, к срыву сроков их возведения. В течение I пятилетки в Кузбассе шахт, включая маломощные (до 300 тыс. тн угля в год) с короткими (до 2 лет) сроками строительства, было заложено значительно больше, чем предполагалось в 1929 году. Их суммарная проектная мощность превышала первоначально запланированные объёмы добычи в 18 раз [5, л. 201–204].

К таким форсированным темпам индустриализации регион не был готов.

Они существенно превосходили аналогичные показатели по Донецкому бассейну, на развитие которого первоначально предусматривалось $\frac{3}{4}$ всех пятилетних ассигнований по отрасли в целом, в то время, как Кузбассу выделялось лишь 70–75 млн руб. или 6,4%. При этом, проблем в реализации намеченного здесь было несравненно больше, чем в Украине. Среди них: недостаточная геологическая изученность угольных полей, отсутствие необходимых объёмов мощностей электроэнергии, слабая техническая база шахтного строительства и хроническое отставание в его проектировании.

Для обеспечения строек проектной документацией в 1929 г. в Новосибирске открывается проектное бюро, реорганизованное в 1930 г. в самостоятельную проектную организацию «Сибугля». В Томске организован филиал Харьковского института «Гипрошахт». Среди проектировщиков большинство составляли молодые инженеры со стажем от года до трёх лет. Многие из них ещё не бывали в Донбассе и в качестве примера не были знакомы с его некоторыми уже модернизированными шахтами. Всё это приводило к большому сроку изготовления проектов — до трёх лет, поэтому на объекты документация вместе с генеральными сметами поступала с большим опозданием, когда они уже возводились. Как следствие, начинались переделки уже готовых элементов конструкций. Вначале проектировщиками разрабатывалось 15 типов шахт, что влекло за собой многотипность требуемого оборудования, задержки его поставок и ввода в эксплуатацию. Только в 1932 г. встал вопрос о строительстве унифицированного варианта типовой шахты. К комплексному проектированию угледобычи в Кузбассе они приступили только к концу первой пятилетки.

Освоение выделенных средств осуществлялось в условиях острого дефицита квалифицированных работников строительных специальностей. Широкое использование завербованных крестьян, часть из которых являлась сезонными отходниками, а также спецконтингента в лице осуждённых, сказывалось на качестве работ. На возведение крупной шахты мощностью 1–1,5 млн тн в год устанавливались неоправданно короткие сроки — в течение 1,5–2,5 лет, хотя для этого требовалось не менее 3,5–4 лет, в которые строители, в основном, и укладывались.

Титульные списки объектов капитального строительства в Кузбассе только в 1928–1929 гг. менялись 13 раз, а план угледобычи — 6 раз. Результаты уже первого года пятилетки по-

казали недостаточное внимание к региону со стороны ВСНХ и Госплана, отсутствие у них чёткого понимания сути планомерного развития всех угольных районов бассейна, мирившихся с распылением капиталовложений по многочисленным второстепенным объектам. Несомненно, руководителям центральных органов, как и специалистам на местах, ещё предстояло познать основы социалистической экономики и овладеть методами комплексного планирования, в том числе сложного шахтного хозяйства Кузбасса.

На отсутствие сбалансированной программы развития угледобычи, а также плана обеспечения строящихся металлургических и химических заводов коксующимися углями, было указано в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1930 г. «О положении угольной промышленности в Кузнецком бассейне» [7, с. 127–133, 141–142]. В текущем году первоначально установленное задание по производству кокса было выполнено лишь на 80%, а задание по капитальному строительству отдельными комбинатами исполнено на 50–60%. Недопоставки минерального топлива потребителям создавали угрозу не только их дальнейшему развитию, но также порождали в районах их местонахождения цепную реакцию замедления темпов роста для других отраслей промышленности. Двумя месяцами ранее, Постановлением ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. были намечены конкретные меры по изменению обстановки в Кузбассе, в частности, партийным организациям надлежало обеспечить ликвидацию в отставании геологоразведочных работ, перевести шахты на трёхсменный режим работы, улучшить организацию труда и повысить механизацию угледобычи до 40% [10, с. 222–226].

Наконец, в марте 1931 г. план развития угольной промышленности Кузбасса, в очередной раз переработанный специалистами объединения «Востокуголь», был одобрен в ВСНХ. Его строительная программа содержала мероприятия со сроком выполнения до 1935 г. Предусматривалось почти полное обновление шахтного фонда, а также закладка шахт преимущественно средней мощности — 1,25 млн тонн в год, 92% всей добычи возлагалось на новые шахты. В 1932 г. в Кузбассе намечалось добыть уже 13,9 млн тонн, из них 64% отводилось новым предприятиям. В целях повышения уровня механизации забоев к уже имеющимся небольшим механическим заводам в Томске, Анжеро-Судженске и Кемерово намечалось строительство заводов горного машиностроения в Новосибирске, Прокопьевске и Киселёвске [8, с. 14].

Ежегодные изменения строительной программы в угольной отрасли региона в сторону увеличения её объёмов сопровождались увеличением капиталовложений, которые, по итогам первой пятилетки, в Кузбассе исчислялись уже в сумме 322 млн рублей вместо ранее запланированных 77 млн рублей [15, с. 56].

ВЫВОДЫ. Как видим, в течение первой пятилетки планирование угледобычи в Кузбассе представляло собой непрерывный и напряжённый процесс, результатом которого являлся свод периодически меняющихся в сторону значительного повышения контрольных цифр. Вместе с тем, среди специалистов ещё наблюдалась инерция в деле перехода к плановому хозяйствованию, обусловленная проявлениями в производственных отношениях элементов охлократии и её последствий, влияния партийно-профсоюзного актива на управленческие решения. Эта практика, с одной стороны, была неизбежной в условиях форсированной индустриализации, усиления влияния политической конъюнктуры и отсутствия у советских организаций и учреждений опыта комплексного планирования на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. С другой — она способствовала выявлению слабых мест в деле подготовки и организации угледобычи, уровня готовности шахтёрских коллективов к выполнению промфинплана. Многократный пересмотр Госпланом годовых заданий Кузбассу по углю приводил к частой корректировке в авральном режиме контрольных показателей в сторону ускоренного развития промышленности местных строительных материалов, энергетики, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и всех отраслей социальной сферы [3, л. 124 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАК (Государственный архив Кузбасса). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 278.
2. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 279.
3. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 365.
4. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 415.
5. ГАК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 38.
6. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (1890-начало 1990 гг.). Кемерово: Кузбас-свуиздат, 1995. 341 с.
7. История индустриализации Западной Сибири. (1926–1941 гг.) / Глав. ред. канд. ист. наук А.С. Московский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 392 с.
8. История Кузбасса. Ч. III // ред. А.П. Окладников. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. 224 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. 575 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. 446 с.
11. Кузбасс. 1928. № 171 от 25 июля.
12. Леухова М.Г. Становление второй угольной базы на востоке страны. 1928–1937 гг.: Дис. ...канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 247 с.
13. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Ч. I. Сводный обзор. Изд. Третье. М.: Изд. «Плановое хозяйство», 1930. 168 с.
14. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 414 с.
15. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301 с.

REFERENCES

1. GAK (*Gosudarstvennyj arhiv Kuzbassa*) [Kuzbass State Archive]. F. P-8. Op. 1. D. 278. (In Russian, unpublished).
2. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 279. (In Russian, unpublished).
3. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 365. (In Russian, unpublished).
4. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 415. (In Russian, unpublished).
5. GAK. F. R-101. Op. 1. D. 38. (In Russian, unpublished).
6. Zabolotskaya K.A. *Ugol'naya promyshlennost' Sibiri (1890-nachalo 1990 gg.)* [Coal industry of Siberia (1890-early 1990)]. Kemerovo: Kuzbas-svuzizdat, 1995. 341 s. (In Russian).
7. *Istoriya industrializacii Zapadnoj Sibiri. (1926–1941 gg.)* [History of industrialization of Western Siberia. (1926–1941)] / Glav. red. kand. ist. nauk A.S. Moskovskij. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1967. 392 s. (In Russian).
8. *Istoriya Kuzbassa. CH. III* [The history of Kuzbass. PART III] // red. A.P. Okladnikov. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 224 s. (In Russian).
9. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). T. 4. 1926–1929* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). T. 4. 1926–1929.]. 9-e izd., dop. i ispr. M.: Politizdat, 1984. 575 s. (In Russian).
10. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). T. 5. 1929–1932* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). T. 5. 1929–1932.]. 9-e izd., dop. i ispr. M.: Politizdat, 1984. 446 s. (In Russian).
11. *Kuzbass* [Kuzbass]. 1928. № 171 ot 25 iyulya. (In Russian).
12. Leuhova M.G. *Stanovlenie vtoroj ugl'noj bazy na vostoке strany. 1928–1937 gg.* [The formation of a second coal base in the east of the country. 1928–1937.]: Dis. ...kand. ist. nauk. Kemerovo, 2000. 247 s. (In Russian).

13. *Pyatiletnij plan narodnohozyajstvennogo stroitel'stva SSSR. CH. I. Svodnyj obzor* [Five-year plan of national economic construction of the USSR. Part I. Summary.]. Izd. Tret'e. M.: Izd. «Planovoe hozyajstvo», 1930. 168 s. (In Russian).
14. Stalin I.V. *Sochineniya. T. 13* [Writings. T. 13.]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. 414 s. (In Russian).
15. *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa, 1721–1996* [Coal industry of Kuzbass, 1721–1996]. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1997. 301 s. (In Russian).